

Чолан В. Я.,
ассистент кафедры Института филологии
Киевского национального университета имени Т. Г. Шевченко

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЕ ТЕКСТЫ КАК ПРОДУКТ СИНЕРГИИ СЕМИОТИЧЕСКИХ СИСТЕМ В УНИВЕРСУМЕ КИЕВСКОЙ РУСИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема потенциала вербального воздействия на коллективную ментальность восточнославянского социума Киевской Руси раннесредневекового периода, соотносительного с культурным универсумом. Носителями вербального воздействия, свойственного взаимодействию семиотических языковых систем, выступают переводные церковнославянские тексты.

Ключевые слова: универсум, вербальное воздействие, коллективная ментальность, семиотические языковые системы.

Постановка проблемы. Проблема вербального воздействия как предмет теоретической рефлексии имеет давнюю историю, уходящую корнями в труды Геродота и Ксенофонта, поскольку любой вид деятельности человеческого сообщества проецируется на систему вербальной коммуникации, осуществляемой на основе языка. Язык рассматривается как система знаков или семиотических моделей, которые содержат потенциал формирования принципов членения мира, общих для коллективного сознания социума, ориентированных на цели коммуникативных процессов в определённом культурном универсуме. Носителями вербального воздействия выступают тексты, содержащие или воплощающие, как писал А. Сеше, такие знаки, чтобы объект воздействия, адресат текстов, встроив эти знаки в контекст, изменил образ этого контекста в своём восприятии, трансформировал образ мира в заданном извне направлении.

Понятие *универсума* (в лингвистике изоморфное семиотической или коммуникативной среде порождения и функционирования специализированных текстов) в нашем исследовании используется относительно двух реальностей, в которых одновременно осуществляется жизненная деятельность человеческого сообщества. Речь идёт о действительном, объективно существующем материальном мире географического и государственного пространства Киевской Руси раннесредневекового периода с общепонятным бесписьменным звуковым языком социальной коммуникации.

Принимая во внимание отсутствие эпиграфического материала за период до принятия христианства, что подчёркивается в трудах Л.П. Якубинского и А.А. Волкова, можно говорить об общем для славян звуковым бесписьменном языке, который Л.В. Левшун и другие исследователи считают *изводом общеславянского или древнерусского* (в собственном смысле этого слова). Этот факт позволяет соотнести территорию полиэтнической консолидации восточных славян с *восточнославянским языковым пространством*. [16, с. 3–7; 1, с. 11; 6, с. 23].

По версии академика НАН Украины П.П. Толочко, в центре этой территории, охватывающем Среднее Поднепровье с Киевом, Левобережье с Переяславлем, Среднее Поднепровье с Чер-

ниговом, к X веку сконцентрировались славянские племенные разновидности с недифференцированными этническими отличиями. На основании гидротопонимических и археологических данных, которыми восполняется недостаточность письменных источников, относящихся к раннесредневековому периоду, исследователи делают вывод, что восточные славяне представляли собой не мелкие родовые образования, а крупные территориальные объединения – союзы племён. Некоторые слависты, в частности Д.Я. Самоквасов, Б.А. Рыбаков, квалифицируют их как 12 племенных княжений, тождественных государствам преддревнерусского периода, чьё время возникновения относится к VI – VIII веку, причём верхняя темпоральная граница может быть отнесена к IX – X веку. Важно отметить, что этнические рубежи восточнославянских объединений к X веку практически совпадают со стабилизированными государственными границами Киевской Руси [13, с. 159].

В то же время понятие универсума служит для определения воображаемого, искусственно созданного сознательной человеческой деятельностью мира культуры – ноосферы восточнославянского социума, приуроченного к этому физическому пространству. И как раз воображаемый мир, по мнению исследователей, в преимущественной степени определяет поведение человека, поскольку на него можно воздействовать извне, а, управляя поведением отдельных людей, оказывать влияние на культурный универсум этнического сообщества, на коллективную ментальность социума. [4, с. 9].

Оба измерения раннесредневекового восточнославянского универсума отмечены спецификой взаимодействия сверхсложной многоуровневой динамичной макросистемы естественного языка, по своему существу условно открытой, с рядом других существенных для социальной коммуникации сложных системных образований (микросистем, субсистем), которые могут быть практически закрытыми, как, например, корпус *священно-богослужебных текстов*. Языковую систему считают условно открытой и относительно самоорганизующейся: абсолютно самоорганизующаяся макросистема без специфического воздействия извне обретает пространственную, временную или функциональную структуру. [3, с. 9–15]. А в соответствии с концепцией Ф. де Соссюра, знаки или семиотические модели, составляющие языковую систему как основу вербальной коммуникации, являются общими и обязательными для всех её участников, которые равны в отношении к языку и не способны произвольно изменить его систему [10, с. 131].

Опираясь на положения теории систем, модель процесса вербальной коммуникации в наиболее общем, упрощённом виде можно рассматривать как контакт обеспечивающих этот процесс модулей, заключённых в широкий модуль *универсума*, который имеет внутренний и внешний коммуникативный контур.

Внешний коммуникативный контур определяют пространственно-временные, этнокультурные, исторические, социальные характеристики актуальной коммуникации, исходя из того, что главным носителем, выразителем и хранителем информации о них во времени и пространстве являются языковые системы [9, с. 252, 576].

Внутренний же коммуникативный контур как раз и определяется взаимодействием знаково-семиотических, в первую очередь языковых систем (макросистемы, подсистем), используемых участниками коммуникативного процесса (адресантом и адресатом), и их взаимной адаптацией, а также текстовым хронотопом, так как достижение необходимого уровня взаимной адаптации зависит от состава и сложности знаковых систем, применяемых в коммуникации путём произведения / воспроизведения текстов. [1, с. 78–79].

Стоит уточнить, что термин «хронотоп» употребляется в исследовании по отношению к дискурсивно-текстовой, формально-семантической, логико-прагматической категории коммуникации. Категория хронотопа (континуума) концентрирует совокупность вербальных (языковых) способов, приёмов и средств ментально-речевого освоения реального исторического времени и пространства, текстовой манифестации освоенной пространственно-временной реальности в *параметрах* коммуникативного процесса (текста) через восприятие *реальных исторических* субъектов коммуникации, которые могут быть представлены как индивидуальным человеком, так и социумом. Движение информации во времени и пространстве в текстовой структуре манифестируется как определённым образом развёртывающаяся последовательность фактов, событий, их подачи адресантом во времени, пространстве текста, их восприятие адресатом [5, с. 10].

Очевидно, в раннесредневековом культурном универсуме Киевской Руси вербальное воздействие на коллективную ментальность восточнославянского социума, осуществляемое в социально-коммуникативном процессе, обусловлено синергией взаимодействующих сверхсложных, многоуровневых знаково-семиотических языковых систем (субсистем). К ним относятся:

- семиотическая макросистема звукового общеславянского языка;

- письмо как искусственная или конвенциональная знаковая система и феномен культуры, именуемая единицы бесписьменного звукового языка.

- При этом выделяется выделенная А.А. Волковым закономерность, когда в отношении «звуковой язык» (в данном случае общеславянский) – «письменный язык» (церковнославянский) включается другая система письма (кириллическая, греческая) [1, с. 15];

- подсистема знаков преобразования текстов звукового языка в тексты письменного. Это знаковая подсистема звукового языка, в которой именуется знаки кириллического письма с помощью специальных обозначений букв и знаков, например: *альфа, бета, глаголь* и т. д.;

- знаково-семиотическая подсистема военной вербальной коммуникации. Это разновидность устной вербальной коммуникации, которая предназначена для обеспечения и сопровождения доминантной для полиэтнического восточнославянского социума совместной военной деятельности, особенно существенная в культурном универсуме Киевской Руси.

Процессы консолидации восточных славян протекали в условиях постоянной военной опасности со стороны кочевников. В одном ряду с военной деятельностью находилась дальняя, или транзитная торговля, которая в раннесредневековый период, хотя и представляла наиболее выгодное занятие, однако также сопрягалась с войной [14, с. 47]. Купцы – посредники, будучи монополистами, старались обеспечить своё положение политическими мероприятиями – установление мира между разноплеменным населением (внутри страны) на основе политического равновесия и совместной военной борьбы против внешнего врага [2, с. 126].

По позднейшей летописной информации можно лишь предположить, что ранние города (грады), вызванные к жизни административными (политическими) средоточиями племён как возникающей и крепнущей государственности, были военными крепостями в пограничных районах. Во всех случаях они являлись точками роста восточнославянской государственности (наиболее древние – возле Владимира Волынского) [13, с. 156–157, 163].

Опираясь на археологические данные, компенсирующие недостаточность письменных данных, исследователи связывают центральный этнос Киевской Руси (летописных полян) с археологическими памятками «дружинной культуры», полиэтнической в своей основе. Дружинная археологическая культура формировалась преимущественно на территории Киева и его округах не столько на основе определённой этнографической группы, сколько в результате экономических и социальных процессов, которые происходили на небольшой территории вокруг Киева. В определённом понимании это была действительно первая культура, вид которой обуславливался не племенными этнографическими традициями, а военно-торговым способом деятельности и высоким социальным статусом её носителей. Похоронные памятники, по которым вычленяется собственно дружинная культура, в большом количестве состоят из оружия и предметов вооружения: мечи, наконечники стрел, доспехи воина, конская сбруя, а также социально значимые вещи – престижные и драгоценные [14, с. 33]. Можно согласиться с утверждением, что к X веку восточнославянское сообщество Киевской Руси с центром в Киеве представляет собой военную машину – княжескую дружину, военно-торговый, социально привилегированный класс, количественно не преобладающий, противопоставленный остальному населению.

Так, летописные тексты содержат семантическую информацию о доминирующей военной практической и интеллектуально-практической деятельности в раннесредневековом культурном универсуме Киевской Руси, непрямо соотносящиеся с соответствующей речевой деятельностью, «материализуют» в соответствующих вербальных значениях и языковых формах специфическую иерархию личностных ценностей. Например: *«Како быша первые князи и мужи их. И како ОТБАРАНЯХУ Руския земля и инья страны приимаху под ся: ти бо князи не сбирааху многа имения ни творимых вир, ни продажъ въскладааху на люди. Но оже будяше правая вира, а ту взимааше и ДРУЖИНЕ НА ОРУЖИЕ ДАЯ. А ДРУЖИНА ЕГО КОРМЯХУСЯ, ВОЮЮЧИ ИНЫЯ СТРАНЫ, БЬЮЩЕСЯ: «БРАТИЕ! ПОТЯГНЕМ ПО СВОЁМ КНЯЗИ И ПО РУССКОЙ ЗЕМЛИ»* [11, с. 9]. «Опредмеченные» личные ценности восточнославянского социума с характерной для них высокой осознанностью служат связующим звеном между духовным миром лично-

сти и духовной культурой общества, между индивидуальным и общественным бытием.

В нашем исследовании рассматривается корпус переведённых с греческого языка письменных Типикарных церковнославянских текстов, чей состав определялся предписаниями существовавшего в Византии Православного Типикона. Заимствованная греческая лексема мужского рода «*Типикон*» («*типик*») вошла в церковнославянский лексический фонд в качестве номинации комплекса книг – письменной текстовой фиксации церковного устава – с сохранившимся родовым греческим суффиксом и фонетически малоизменённой сигматичной основой, оканчивающейся на сонорный. Этимологическую историю этой лексемы М. Фасмер ведёт от греческих именных частей речи «*τύπιχόν*», «*τύπος*», имеющих значение «*прообраз, оттиск, знак, удар*», и от глагола «*τύπιόω*» со значениями «*бить, ударять, поражать, жалить*» [13, с. 407].

Как в греческой богослужбной и военной вербальной коммуникации Византии, так и позднее – в вербальной коммуникации Киевской Руси раннесредневекового исторического периода на церковнославянском языке лексическая единица «устав» («типикон») употреблялась с семантикой «долженствования», в частности для обозначения предусмотренного законом и / или правилами, нормативами этих коммуникативных разновидностей способа (порядка, образа) должных действий, выполняемых в определённом пространстве, количестве, в определённые промежутки времени ответственными лицами, связанными субъектно-объектными отношениями [12, с. 84, 183].

Как отмечено в трудах разных исследователей, известный Студийско-Алексиевский Типикон на церковнославянском языке, принесённый из Константинополя на Русь в 1062 году по просьбе преподобного Феодосия Печерского, представлял собой текстовый комплекс, в центре которого находились Евангелие, Послания и Деяния Апостолов типа *неполного* апракоса, а также Постная и Цветная Триоди. Церковнославянский Типикон включал тексты Псалтири с разделом на 20 кафизм и библейскими песнями, Паремийника, Миней служебных, Октоихов изборного и Параклитика, Ирмология, Часослова, Служебника и Требника. Кроме того, Типикарный комплекс предусматривал Четьи (сборники уставных чтений Минейного, триодного, седмичного и суточного богослужбных кругов), певческие сборники основных обиходных песнопений, тексты церковного и монастырского Уставов с богослужбной и дисциплинарной частями [7, с. 164–172].

Церковнославянские Типикарные тексты, которые представляют собой результат успешной синергии знаково-семиотических систем и подсистем, состоявшейся в раннесредневековом культурном универсуме Киевской Руси, начиная с X века, экстраполируют подсистему нравственно оправданных ценностных ориентиров совместной деятельности восточнославянского социума этноса в социальном (материальном) мире на семиологические свойства языковых единиц, проявляющиеся на разных уровнях текстовой структуры. Так, например, в текстовом фрагменте «Послания к Ефесеянам Святаго апостола Павла» языковые ценности, характерные для военной вербальной коммуникации раннесредневекового восточнославянского социума, репрезентативно представлены в лексическом плане текстовых конструкций, где используется военная терминология (в метафорическом смысле). Апостол говорит: «*Для сего ПРИИМИТЕ ВСЕОРУЖИЕ БОЖИЕ, дабы вы могли ПРОТИ-*

ВОСТОЯТЬ в день злый, и, ВСЕ ПРЕОДОЛЕВ, УСТОЯТЬ. Итак, станьте, ПРЕПОЯСАВ ЧРЕСЛА ваши ИСТИННОЮ, и ОБЛЕКШИСЬ В БРОНЮ ПРАВЕДНОСТИ, а паче всего ВОЗЬМИТЕ ЩИТ ВЕРЫ, которым возможно уасить все РАСКАЛЕННЫЕ СТРЕЛЫ лукаваго; и ШЛЕМ СПАСЕНИЯ ВОЗЬМИТЕ и МЕЧ ДУХОВНЫЙ, который есть СЛОВО БОЖИЕ».

Выводы. Военная вербальная коммуникация восточных славян, представленная в качестве способа освоения ценностей материальной реальности, обусловила формирование ценностно-ориентационных единств (концептов), объективирующих в процессе достижения целей и задач совместной деятельности отдельного коллектива индивидуально-субъективный образ познаваемых реалий через языковую макросистему вербальных значений и форм. В то же время сформировались основы для освоения ценностей духовной реальности, представленных в текстах Богослужбного круга. В общем контуре коммуникации текстовая организация формально-семантических структур языковой системы, концентрирующих и фиксирующих совокупный общественный ментальный опыт этноса по осознанию, упорядочению, присвоению и трансформации ценностных ориентиров миропорядка, рассматривается в аспекте синергии систем – вхождения открытой макросистемы в замкнутую микросистему. Текст как продукт коммуникативного взаимодействия конгломерата систем, подсистем и группировок знаков, локализуясь в сознании интерпретатора (и индивидуального, и коллективного), может оказывать на него воздействие, индуцирующее изменение принципов категоризации мира.

Литература:

1. Волков А.А. Грамматология. Семиотика письменной речи. Москва: Издательство Московского университета, 1982. 175 с.
2. Гумилёв Л.Н. Открытие Хазарии. Москва: Айрис-пресс, 2003. 416 с.; ил. С. 259. (Библиотека истории культуры).
3. Демидов Д.Г. Место синергетики в системе наук о языке и её применимость к концептологии. Новое в когнитивной лингвистике XXI века: сб. науч. статей. Вып. 20. / [Отв. ред. М.В. Пименова]. Киев: Изд. дом Дмитрия Бурого, 2013. 496 с.
4. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. Москва: Алгоритм, 2017. 464 с.
5. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. Москва: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. 309 с.
6. Левшун. Л.В. О слове преображенном и слове преображающем: теоретико-аналитический очерк истории восточнославянского книжного слова XI–XVII веков. Минск: Белорусская Православная церковь, 2009. 896 с.
7. Лисицын М. Первоначальный славяно-русский Типикон. Санкт-Петербург, 1911.
8. Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. [2-е изд. испр. и доп.]. Москва: Политиздат, 1990. 494 с.
9. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми: Підручник. Полтава: Довкілля-К, 2008. 712 с.
10. Соссюр Фердинанд де. Курс общей лингвистики / [Пер. с фр.; Под ред. и с примеч. Р.И. Шор]. Изд. 2-е, стереотипное. Москва: Едиториал УРСС, 2004. 256 с. (Лингвистическое наследие XX века).
11. Софийская первая летопись. Вып. 1. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. V. Изд. 2-е. Ленинград, 1925. С. 9.
12. Тахиаос А.-Э. Н. Святые братья Кирилл и Мефодий, просветители славян: [пер. с новогреч. иером. Дионисия (Шлёнова), иером. Леонтия (Козлова), иером. Тихона (Зайцева), С. Кима; под ред. иером. Дионисия (Шлёнова), В. Л. Шлёнова]. Сергиев Посад, 2008. 392 с.

13. Толочко П. П. Откуда пошла русская земля. Киев: Изд. дом Дмитрия Бураго, 2016. 291 с.
14. Толочко О.П., Толочко П.П. Київська Русь. Том 4 / Національна академія наук України; Інститут археології НАН України; Інститут історії України НАН України. Київ: Вид. дім «Альтернативи», 1998. 351 с.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4: Т – Ящур: ок. 4500 слов. [пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва]. 4-е изд. стер. Москва: Астрель: АСТ, 2009. 860, [4] с.
16. Якубинский Л.П. История древнерусского языка / [с предисловием и под ред. акад. В.В. Виноградова; примечания проф. П.С. Кузнецова]. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1953. 368 с.

Чолан В. Я. Церковнослов'янські тексти як продукт синергії семіотичних систем в універсумі Київської Русі

Анотація. У статті розглядається проблема потенціалу вербального впливу на колективну ментальність східно-

слов'янського соціуму Київської Русі, ранньосередньовічного періоду, співвідносного з культурним універсумом. Носіями вербального впливу, що притаманний взаємодії семіотичних мовних систем, є перекладні церковнослов'янські тексти.

Ключові слова: універсум, вербальний вплив, колективна ментальність, семіотичні мовні системи.

Cholan V. Church Slavonic texts as a product of semiotic systems synergy in the universum of Kievan Rus

Summary. The article deals with the problem of the verbal influence potential on the collective mentality of the East Slavic society of the Kievan Rus of the early medieval period that is correlated with the cultural universe. The verbal influence is inherent in the interaction of semiotic linguistic systems, which medium is represented by translated Slavonic texts.

Key words: universe, verbal influence, collective mentality, Semiotic language systems.